

ТАИНА ДЕВЯТОЙ ПЛАНЕТЫ

КОНТРАКТ ВСЛЕПУЮ

ДЕНИС СЕДОВ

Денис Седов

Тайна девятой планеты.

Контракт вслепую

<https://litres.ru/74594837>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1972 году французский геолог нашёл в урановом руднике Габона зерно, которого не должно было существовать. Его заперли в свинцовый ящик и забыли на полвека.

Иван Конти начинал разнорабочим на ржавой буровой в Египте и дорос до бурильщика на одной из двух в мире установок седьмого поколения. А потом проект закрыли без объяснений, и жизнь посыпалась: ни работы, ни дома, ни любимой девушки. Только синяя форма охранника в торговом центре и подростки, которые снимают тебя на телефон.

И вдруг письмо без названия компании. Контракт на сорок страниц, где почти каждая строчка закрыта чёрной полосой. Пять лет работы на «удалённом объекте». Миллион евро в год. Страховка, которая стоит дороже всей его жизни. И один час на решение.

Где работа — не скажут. Что бурить — не скажут. Вернётся ли он — тоже.

Он подписал.

Первая книга цикла «Тайна Девятой планеты». Автор шестнадцать лет проработал на морских буровых, поэтому всё, что касается бурения, здесь описано с натуры.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	60
Глава 10	64
Глава 11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Денис Седов
Тайна девятой планеты.
Контракт вслепую

Денис Седов

ТАЙНА ДЕВЯТОЙ ПЛАНЕТЫ

Книга первая

КОНТРАКТ ВСЛЕПУЮ

Пролог

Пьерлатт, Франция. Июнь 1972 года.

Жиль Ренар не верил в погрешности. Погрешность — это когда человек устал и не хочет пересчитывать.

Он пересчитал в третий раз. Масс-спектрометр гудел ровно, лента выползала из самописца, и на ней стояло то же самое: 0,7171.

Должно было быть 0,7202.

Уран-235 везде одинаковый — в Канаде, в Казахстане, в Австралии, даже в метеоритах, которые падали на Землю, когда на ней ещё никого не было. Ноль целых семь тысяч двести две десятитысячных процента. Эту цифру Жиль знал так же, как свой номер телефона, и за одиннадцать лет на заводе не видел, чтобы она сдвинулась хоть на единицу в последнем знаке.

Сейчас она сдвинулась на тридцать одну.

Он снял очки, протёр их полкой халата и посмотрел на маркировку пробы. Партия гексафторида, сырьё из Габона: рудник Окло, компания КОМЮФ.

Тридцать одна десятитысячная — казалось бы, ерунда. Но если умножить на тонны руды, которые шли из Габона, получалось, что кто-то уже забрал оттуда сотни килограммов делящегося урана. Забрал и сжёг.

Жиль положил ленту на стол и долго на неё смотрел. По-

том снял трубку и позвонил не начальнику смены, а сразу в Париж.

* * *

Габон, рудник Окло. Сентябрь 1972 года.

Жара стояла такая, что пот не успевал течь — высыхал на коже солёной коркой. Карьер уходил вниз уступами, красная порода, жёлтая порода, чёрные жилы руды. Экскаваторы молчали третий день: добычу на участке остановили по приказу из Парижа, и местные рабочие сидели в тени грузовиков, курили и смотрели на белых, которые лазили по отвалам с дозиметрами.

Геолог Анри Лакомб спускался в зону номер два с фонарём и молотком. Здесь, на глубине, порода была другой. Рудное тело лежало линзой, и в центре линзы уран выгорел — это показали первые же пробы. Природный реактор — звучало как бред, но цифры не врали: два миллиарда лет назад вода просочилась в богатую руду, замедлила нейтроны, и пошла цепная реакция — сама, без людей. Она работала, остывала и снова работала сотни тысяч лет.

Учёные в Париже уже писали статьи. Это была сенсация, и Лакомб понимал, что его имя будет где-то в конце списка авторов, мелким шрифтом.

Он простучал стенку, отколол образец, посветил. Обычная руда. Отколол ещё. И ещё.

На четвёртом ударе молоток звякнул по-другому.

Лакомб присел, расчистил породу пальцами. В стенке шёл

канал толщиной в палец, заполненный тёмным минералом, и уходил вглубь, к центру линзы. Рядом тянулся второй, параллельный первому; чуть дальше они сходились, а потом расходились снова, ветвились, как корни дерева.

Он двадцать лет смотрел на руду. Жилы бывают кривыми, рваными, слепыми. Такими ровными они не бывают.

Лакомб подцепил тёмный минерал остриём молотка. Порода крошилась легко, как пересохшая глина, и вместе с крошкой из канала на ладонь выкатилось зерно. Размером с просяное, тускло-серое, с масляным отливом. Он чуть не стряхнул его и остановился.

Зерно было тяжёлым. Не по размеру тяжёлым. Свинцовая дробина такой же величины весила бы вдвое меньше.

Дозиметр на поясе щёлкал часто. Лакомб поднёс его к ладони — щелчки не прибавились. Фонила руда вокруг. Зерно молчало.

Он завернул его в бумагу вместе с пробой из канала, сунул в карман. Потом подумал, вынул и положил в свинцовый контейнер.

Наверху он ничего не сказал своим. Вечером, в бараке, написал отчёт от руки, в одном экземпляре: про каналы и про зерно. Отдал его человеку из Комиссариата, который приехал с группой, но ни разу не спускался в карьер.

Человек прочитал, сложил лист вчетверо и сказал:

— Вы ведь понимаете, месье Лакомб, что это природный реактор.

— Понимаю.

— Вот и хорошо.

* * *

В декабре 1972 года в научных журналах вышли первые статьи о природном ядерном реакторе Окло. Мир удивился, учёные спорили, в учебниках появился новый абзац.

Добычу возобновили через несколько месяцев: Франции был нужен уран. Руда из реакторных зон ушла на обогащение, потом в топливо, потом в атомные станции. Большая часть того, что пролежало в земле два миллиарда лет, сгорела за следующие двадцать.

Зерно увезли в Париж. Его взвесили, просветили, попытались растворить, но оно не растворилось ни в одной кислоте, а спектр не совпал ни с одним известным элементом. Оно не распадалось и не фонило, хотя два миллиарда лет пролежало в сердце работавшего реактора.

Объяснить это не смог никто. Поэтому решили, что объяснять не нужно.

Свинцовый контейнер с зерном и отчёт Лакомба отправили в хранилище под Парижем. Ящику присвоили номер и гриф. Через год о нём забыли все, кроме двух человек.

Его откроют через пятьдесят с лишним лет, когда новый телескоп найдёт на краю Солнечной системы планету, которая светится теплом изнутри. И первые данные с неё покажут то же, что когда-то показало зерно.

Часть первая

Глава 1

Последнюю свечу Иван поставил за сорок минут до конца смены.

Не руками, конечно: руками на этой буровой давно никто ничего не ставил. Он сидел в кабине оператора, перед ним светились шесть мониторов, под ладонями лежали два джойстика. За стеклом, на пустом буровом полу, манипулятор вынул свечу из магазина, развернул её плавно, как официант поднос, и подвёл к центру. Робот-ключ подъехал по рельсам, обхватил замок, докрутил. На экране побежали цифры момента — норма, норма, зелёный.

На полу ни одного человека — ни крика, ни лязга клиньев, ни мата на трёх языках, только гул верхнего привода и ровное шипение гидравлики.

Иван снял руки с джойстиков, потянулся до хруста в спине и посмотрел на часы. Всё, тридцать пять дней вахты закончились. Завтра вертолёт, потом самолёт, потом дом.

Сменщик пришёл минута в минуту. Иван передал ему дела: глубина, вес на крюке, параметры раствора, что барахлит, за чем приглядывать. Обычный разговор двух людей, которые делают одно дело и доверяют друг другу ровно настоль-

ко, насколько надо. Потом он спустился в жилой блок, встал под горячий душ и долго стоял, ни о чём не думая. Семь лет — иногда ему самому в это не верилось.

* * *

Семь лет назад он не знал, как называется большая часть того, что сейчас умел с закрытыми глазами.

Итальянское кадровое агентство предложило ему то, что было: контракт разнорабочим на старую самоподъёмную установку в Суэцком заливе, построенную в Америке ещё до его рождения. Три ноги в мутной зелёной воде, ржавые потёки на опорах, на вертолётной площадке — выцветшая надпись на английском. Её не раз продавали, перекрашивали, штопали и снова гнали работать. В местах, куда трудно было залезть, Иван сбивал краску и находил под ней слои: серый, белый, оранжевый, снова серый, синий. Как-то он насчитал десять — как кольца на спиле дерева, только вместо лет — хозяева.

Сбивал он её игольчатым пистолетом — needlegun, пучок стальных стержней, которые колотят по металлу тысячи раз в минуту. Пистолет вибрировал так, что к вечеру пальцы не могли сжаться в кулак, в ушах стоял звон, а ржавая пыль забивалась под очки, в нос, за воротник. Потом грунт, потом краска, потом следующий участок. И снова. Солнце в заливе не жалело никого: к полудню палуба нагревалась так, что через подошвы ботинок чувствовался жар.

Но Иван не собирался заниматься этим вечно. Его мечта

была выше — буквально на уровень выше: буровой пол, место, где всё и происходит.

Он наблюдал за бригадой при каждой возможности: американцы, англичане, пара шотландцев, один молчаливый русский. Работали они адски: двенадцать часов на ногах, в жару, с железом, которое не прощает ошибок. И всё равно после смены часть парней шла в качалку. Иван смотрел на них и думал: если они могут, смогу и я.

Шанс подвернулся на первом же заезде. На утренней планёрке, пока сменный инженер по безопасности бубнил про работу на высоте, к Ивану подошёл буровой мастер. Высокий, сидящий, с лицом, которое солнце и ветер выдубили до цвета старого седла, к тому же русский. Как он затесался в эту интернациональную бригаду, было непонятно, но говорили, что уехал из России давно и получил гражданство где-то в Европе. Звали его Николай. Отчество здесь не было принято, да Иван его и не знал.

Они уже перебросились парой слов в самом начале. Мама у Ивана была русская, отец итальянец, и русский он знал с детства: дома на нём говорили, и родители настояли, чтобы он не забыл язык. Не раз повторяли, что это поможет ему в жизни. Так потом и оказалось.

— Ты дальше что планируешь, Вань? — спросил Николай по-русски.

Вопрос не застал Ивана врасплох, и он ответил не задумываясь:

— В буровую бригаду хочу. Возьмёте?

Николай посмотрел на него внимательно, как смотрят на инструмент перед спуском — нет ли скрытого дефекта. И сказал одно слово:

— Хорошо.

Это слово поменяло всю дальнейшую жизнь Ивана Конти.

* * *

На следующий день он начал учиться. Сначала просто смотрел: шёл спуск инструмента, и Иван стоял у края бурового пола, стараясь никому не мешать. Высоко наверху, на люльке в двадцати семи метрах над полом, работал верховой: выводил свечу из пальцев, заводил её в элеватор, отпускал. Свеча — три трубы, свинченные вместе, почти тридцать метров стали — плыла вниз, покачиваясь, и бурильщик у пульта опускал её точно в замок той, что торчала из клиньев. Двое помбуров уже ждали. Один мазал резьбу смазкой, кистью, широким движением. Второй закидывал на трубу цепь. Рывок — цепь слетает, раскручивая трубу. Потом машинные ключи: огромные, тяжёлые, с челюстями, которые обхватывают замок. Один держит, второй докручивает. Бурильщик натягивает, стрелка момента ползёт вверх. Клинья — вверх, свеча идёт вниз, клинья — на место. Следующая.

Всё выглядело слаженно до мелочей: никто не кричал, никто не объяснял, каждый знал, где ему стоять и что делать в следующую секунду. Как танец, в котором за ошибку платят пальцами.

Поначалу Ивану казалось, что всё просто, и он стоял, смотрел и запоминал, пока бурильщик, пожилой техасец с вечно недовольным лицом и седыми усами подковой, не повернулся к нему и не гаркнул:

— Ты тут в музей пришёл? Согласился помогать — иди помогай. Нехрен перила греть.

И понеслось.

Ему сунули в руки ведро со смазкой и кисть. Потом показали, как подавать оттяжку, когда свеча идёт к центру. Потом — как убирать руки, когда ключ начинает работать, и почему это важнее всего остального. Потом он таскал, подавал, отмывал, держал, отскакивал. Помбуры объясняли коротко, на ходу, иногда одним словом, иногда жестом, иногда руганью. Иван понимал всё с первого раза. Переспрашивать здесь было не принято.

К концу смены у него болела каждая мышца, в голове стоял шум установки — гул лебёдки, лязг клиньев, вой ключа. Ноги слегка тряслись от постоянного напряжения, ладони горели даже сквозь перчатки. Но он был счастлив. Так, как давно уже не бывало.

Особенно когда заметил Николая. Мастер появлялся на полу пару раз за смену, ничего не говорил, просто стоял и смотрел. Иван чувствовал на себе его взгляд, как чувствуют солнце на затылке. А под конец смены Николай подошёл к техасцу, и они заговорили вполголоса, не скрывая, что говорят о нём. Техасец кивнул в сторону Ивана, что-то буркнул,

Николай усмехнулся. Иван сделал вид, что ничего не видит, и продолжил отмывать ключ.

Так прошло три дня. Иван приходил на буровую к началу смены и вкалывал вместе с бригадой до конца. Руки привыкали, тело переставало ныть. Он начал видеть, что будет через секунду, раньше, чем это случалось.

А потом всё закончилось.

Не потому, что он сделал что-то не так. Просто спуск закончился, долото дошло до забоя, и началось бурение. Свечи больше не шли одна за другой. Бурильщик сидел за пультом, смотрел на приборы, раствор шёл по кругу, долото грызло породу где-то в двух километрах под ними. Лишние руки на полу были не нужны.

Иван вернулся к своей работе: needlegun, ржавая пыль, звон в ушах, грунт, краска, следующий участок — и снова по кругу. После трёх дней на полу это было особенно невыносимо. Краска будто стала гуще, солнце злее, а слои старой краски на опорах — бесконечными.

Через неделю его так достало, что он решил: всё, подойду к Николаю сам и спрошу прямо. Про перевод, про бригаду, про то самое «хорошо».

Утром он проснулся раньше будильника, умылся, вышел на планёрку. Сменный инженер бубнил про работу на высоте. Иван оглядел людей и не нашёл знакомой седой головы.

— А где мастер? — спросил он у соседа.

— Николай? Улетел утренним вертолётom. Вахта у него

кончилась.

Иван постоял, глядя на синий горизонт залива, где уже растворилась точка вертолѐта. Потом пошёл за игольчатым пистолетом.

«Хорошо», — подумал он. Наверное, это было просто слово.

Глава 2

Несмотря на то, что Николай улетел, он оставил своему сменщику и бурильщику чёткие указания: Ивана припрягать при каждой возможности, особенно когда работы много.

Иван понял это в тот же день. После обеда хрипнул громкоговоритель:

— Конти, на буровую. Конти, на буровую.

Он бросил needlegun так быстро, что тот ещё пару секунд дёргался на палубе.

Следующие дни снова прошли на полу: он таскал, ставил ключи, отскакивал, мазал резьбу, учился этому сложному и опасному танцу на роторном столе. Техасец по-прежнему смотрел на него так, будто Иван был лишней деталью в хорошо собранном механизме, но больше не орал. Однажды, когда Иван сам, без подсказки, убрал руки с ключа за полсекунды до рывка, техасец буркнул что-то вроде «ну хоть так». От него это звучало почти как орден.

Так прошла первая вахта. Деньги приятно грели карман, и Иван с удовольствием их потратил: море, солнце, шумные компании, красивые девушки, музыка до утра, и ни о чём не нужно думать. Ему было двадцать с небольшим, у него впервые были свои деньги, заработанные по-настоящему, мышцами и мозолями. Он считал, что имеет право.

* * *

На следующей вахте его ждала новость.

Николай уже был на буровой, и не просто был: он добился, чтобы Ивана перевели в буровую бригаду помбуром, а отдел кадров вдобавок предложил постоянный контракт с испытательным сроком в три вахты.

Иван согласился, даже не дочитав бумаги до конца.

Через несколько дней мастер собрался на плановую проверку вышки и позвал Ивана с собой.

— Пошли. Посмотришь, где верховой живёт.

Лестница на вышку шла вверх почти вертикально, в клетке ограждения, со страховочным тросом на инерционной катушке. Двадцать семь метров. Иван думал, что после двух недель на полу он в форме, но на середине подъёма понял, что ошибался. К люльке верхового он добрался мокрым, с колотящимся сердцем и дрожью в коленях. Николай стоял рядом и дышал ровно, будто поднялся на второй этаж.

— Отдышался? Тогда смотри.

Начали с проверки: Николай шёл по вышке медленно, внимательно, трогал каждый болт, каждую шпильку, каждый хомут.

— Здесь всё, что плохо держится, рано или поздно летит вниз. Гайка с такой высоты пробивает каску. Забытый ключ убивает. Так что смотри не на то, что есть, а на то, что может упасть.

Потом он целый час объяснял работу верхового. Как стоят свечи в пальцах, как их выводят, как заводят в элеватор.

Как держать страховку. Как читать бурильщика по движению блока, когда рация молчит. Какие узлы вязать на верёвке, чтобы подать свечу к центру и не уронить её на головы тех, кто внизу, и почему узел, который не развяжется под нагрузкой, но развяжется одним рывком, важнее любой новой техники.

К ним присоединился верховой Стивен — рыжий, конопатый, с широкой улыбкой и таким шотландским акцентом, что первые минуты Иван понимал через слово.

Николай кивнул на Ивана и сказал Стивену одно слово: — Научи.

И Стивен из кожи вон лез, лишь бы научить его всему, что знал.

Николай закончил проверку, черкнул пометки в блокноте, а потом сделал то, от чего Иван застыл. Он не пошёл к лестнице, а подошёл к краю люльки и дал отмашку вниз. Бурильщик кивнул, и талевый блок с элеватором плавно пошёл вверх, остановившись точно напротив мостика верхового.

Николай шагнул на элеватор. Взялся за штроп. Новая отмашка — и мастер поехал вниз, стоя на железе, как на лифте, без страховки, глядя на залив.

— Старая школа, — сказал Стивен с явным уважением, глядя ему вслед. — Он ещё на суше на таких станках бурил, по сравнению с которыми наш — новенький. Динозавры, а не станки.

Потом спохватился и быстро добавил:

— Ты ничего не видел. Понял?

— Понял, — сказал Иван и, сам того не заметив, перекрестился. Так клялся отец, когда давал слово всерьёз.

Отец не был набожным и в церковь ходил только по праздникам, да и то ради матери. Но этот жест значил для него много, и Иван ни разу не видел, чтобы отец нарушил данное так слово. Хотя о многом он не рассказывал никогда, даже если его спрашивали прямо.

Стивен посмотрел на Ивана, хмыкнул и хлопнул его по плечу.

Вечером Иван долго не мог уснуть. Перед глазами стояла одна картинка: мужик за пятьдесят поднимается на двадцать семь метров и даже не сбивает дыхание. А он, молодой, висел на той лестнице, как мокрая тряпка.

Утром за завтраком он спросил Стивена, ходит ли тот в качалку.

— Каждый вечер, — расплылся Стивен. — Почти вся бригада ходит. Пойдём вместе?

Со Стивеном они быстро сдружились: шотландец был добродушным, легко шёл на контакт и смеялся так громко, что его было слышно с вышки на палубе. Он гонял Ивана в зале так же, как учил на вышке: терпеливо, но без поблажек.

— На полу ты силу тратишь, а здесь её копишь, — объяснял он. — Иначе к сорока станешь как наш техасец. Злой и со спиной.

Вахта пролетела удивительно быстро. Когда пришло вре-

меня ехать домой, Иван посмотрел на себя в зеркало в каюте и не сразу узнал. За тридцать пять дней тяжёлой работы и вечерних тренировок он сбросил лишнее и набрал хорошую мышечную массу. Плечи стали шире, лицо жёстче, руки покрылись мелкими шрамами и мозолями, которые он почему-то рассматривал с гордостью. А по лестнице на вышку теперь поднимался, не останавливаясь на середине.

Терять это не хотелось, и дома он первым делом купил абонемент в лучший спортивный комплекс города.

Зарплата удвоилась, впереди открывались отличные перспективы.

Жизнь налаживалась.

Глава 3

Постепенно Иван втянулся: вахта, дом, снова вахта — тридцать пять дней на буровой, тридцать пять дома. Зал утром, зал вечером, море по выходным. Шумные компании никуда не делись, но стали реже. Деньги он больше не спускал до последнего евро, а откладывал, хотя и сам пока не знал, на что именно. На что-то большее: может, на квартиру, а может, на жизнь, в которой не придётся считать.

Как-то в межвахту к нему в гости заехали парни из бригады. Стивен прилетел из Абердина, Колин, первый помбур, приехал из Ливерпуля, а с ними ещё двое ребят с пола. Они долго сидели на открытой террасе родительского дома. Мама напекла русских пирогов — с капустой, с мясом, с яйцом и луком, — и Стивен ел их так, будто не видел еды с прошлой вахты, нахваливая каждый на своём невозможном шотландском.

Отец жарил мясо на мангале — мамином, русском, а потому по-русски, на шампурах, хотя упорно называл это *grigliata*. Он посмеивался, подливал вино и с гордостью слушал, как парни хвалят Ивана за работу, а потом как бы между делом спросил, кто научил сына всему этому.

— Мастер наш, Николай. Русский, давно в Европе живёт.
— Русский, — повторил отец. — А фамилия?

Иван пожал плечами: фамилию он не знал. Отец кивнул,

перевернул шампуры и надолго замолчал, занявшись почти готовым мясом.

Солнце садилось за холмы, вино заканчивалось, разговоры становились тише.

— Классные вы мужики, — как-то грустно сказал Колин, глядя в пустой стакан. — Жалко, придётся разбежаться.

На него сначала посмотрели с недоумением, а потом завалили вопросами.

— Слышал от сервисников. Говорят, оператор контракт продлевать не будет. А это значит, буровую или на прикол до нового контракта, или на металл распилят. Она же старушка уже. Вон в Сингапуре новые как грибы штампуют. Пора ей на покой.

Все приуныли. Оставалась надежда, что это просто разговоры, но на буровой слухи — как газ в скважине: если пошёл, значит, где-то есть давление.

* * *

Слухи подтвердились в самом начале следующего заезда, когда на общей планёрке начальник буровой объявил: контракт не продлён, скважину ликвидируют, установку снимают с точки и перегоняют в Дубай, в док. Сколько она там простоит и что с ней будет потом, не знал никто.

Для Ивана и его первой бригады это был последний заезд. Работы хватало. Сначала ликвидация скважины: цементные мосты, один за другим, опрессовка, ещё один мост. Потом подъём инструмента и выкладка трубы на мостки, труба

за трубой, тысячи метров стали. Потом крепление по-походному: всё, что могло сдвинуться, упасть или поехать при качке, привязывали, приваривали, зажимали. Консоль задвинули внутрь, вышку раскрепили.

Снятие с точки заняло почти двое суток. Корпус опустили на воду, и он закачался, впервые за долгие месяцы став кораблём. Затем начали поднимать ноги: две вышли из грунта легко, а третья засела в илистом дне так, что её почти сутки размывали водой под давлением, пока грунт не отпустил. Когда нога наконец пошла вверх, на палубе кто-то зааплодировал.

Буксиры взяли установку на тросы и потащили на юг. Суэцкий залив, Красное море, Баб-эль-Мандеб. В Аденском заливе на борт подняли вооружённую охрану, по ночам шли без огней, и на палубу выходить запрещалось. Дальше Аравийское море, Ормузский пролив. Три-четыре узла, день за днём, жара, качка, вахта, которую продлили до самого прибытия.

В последний день перегона Иван поднялся на палубу у опор и долго смотрел на них. Где-то под последним слоем серой краски был и его слой. Одиннадцатый.

* * *

Когда установка встала в доках Дубая, Иван провёл на борту уже семь недель, и билеты на самолёт его ждали. Он закончил последнюю смену и переодевался в раздевалке, когда его нашёл Роб, палубный.

— Иван, зайди к мастеру. Он за тобой послал.

Настроение было паршивое, но Иван наскоро собрался и пошёл в офис буровых мастеров.

— Привет, Ваня, — поздоровался Николай, указывая на кресло. — Кофе будешь?

— Нет, спасибо. Поспать ещё хотел. Такси только через пять часов, и в аэропорт.

— Вместе поедем. Ты же во Франкфурт летишь?

— Да, — кивнул Иван.

— Ну вот, нам одну машину заказали. Отсыпайся, такси будет через четыре с половиной. Вот твои билеты. И рекомендация от меня.

С этими словами Николай протянул ему несколько распечатанных листов.

Рекомендацию Иван прочитал уже в каюте, когда остался один. В ней были лучшие отзывы и высшие оценки. Внизу, над подписью, Николай дописал от руки: «Reliable. Learns fast. Respects the floor. Recommended without reservation».

«Вот мастер, молодец. На прощание такой подарок сделал», — с благодарностью подумал Иван о своём седом наставнике. Он уснул, не раздеваясь.

* * *

В аэропорту, когда они ждали посадку, Николай достал телефон.

— Запиши номер.

Иван записал. Николай убрал телефон в карман и сказал

слова, которые снова изменили судьбу Ивана:

— Напиши мне сообщение на неделе. У меня есть знакомые. Работа будет, не волнуйся.

Объявили посадку. Иван сохранил номер одним словом: «Мастер».

Глава 4

Рассказывая родителям о переменах на работе, Иван ожидал чего угодно, но только не того, что случилось.

Отец выслушал его молча: не стал утешать, не спросил, что сын собирается делать дальше. Просто взял телефон, набрал номер и вышел на террасу.

Говорил он долго, и Иван видел через стекло, как отец ходит от перил к мангалу и обратно, кивает, слушает, снова что-то объясняет. Слов было не разобрать, но Ивану показалось, что говорит он не по-итальянски: мягко, быстро, с картавым «р». По-французски? Иван и не подозревал, что отец так свободно его знает. Он хотел спросить у мамы, но она в этот момент очень внимательно резала хлеб.

Наконец отец вернулся и торжественно объявил:

— Завтра едешь в Хорватию. Там открыли учебный центр по буровым киберустановкам, самым новым. Я обо всём договорился. Жить будешь у нашего старого знакомого, Марио Скорсетти. Помнишь его? У него пиццерия в Сплите. Пока не пройдёшь курсы, остановишься у него. Это наш с мамой тебе подарок. Всё-таки первая работа, и с такими отзывами. А с сертификатами на самые новые установки ты без работы не останешься.

— И, сынок, — добавила мама, — напиши Николаю прямо завтра. Наши люди слова на ветер не бросают.

Отец одобрительно кивнул.

* * *

Следующий месяц прошёл как во сне.

Учебный центр стоял на окраине Сплита, в новом здании из стекла и бетона, с видом на порт. Внутри было тихо и прохладно, как в больнице, — никакой ржавчины, никакого грохота. Вместо бурового пола — полноразмерный тренажёр кабины бурильщика: кресло, два джойстика, полукруг мониторов, а за ними на огромном экране — буровой пол, по которому двигались роботы. Трубный манипулятор, робот-ключ, автоматические клинья — всё как настоящее, только упасть на ноги ничего не могло.

Первые дни Иван ловил себя на том, что после каждой операции рефлекторно отдёргивает руки, как от ключа на полу. Инструктор, сухой норвежец лет шестидесяти, это заметил и усмехнулся:

— Хорошая привычка. Не теряй. Робот тоже иногда ошибается, а ты будешь рядом, когда его чинят.

Учили всему сразу: как управлять системой, как читать её сигналы, как понять, что робот «думает» не то, что ты ему приказал. Аварийные сценарии: обрыв связи, отказ гидравлики, газопроявление, когда скважину надо закрыть за секунды, а манипулятор как раз держит свечу над центром. Отдельный курс по контролю скважины, с экзаменом, на котором заваливалась половина группы. Иван сдал с первого раза.

По вечерам он помогал в пиццерии дяде Марио — огромному, шумному, с руками пекаря и голосом оперного баритона. Марио учил Ивана растягивать тесто, ругался на него по-неаполитански и ни разу за месяц не взял с него ни евро. А когда Иван однажды спросил, откуда тот знает отца, Марио рассмеялся, хлопнул его мучной ладонью по плечу и сказал:

— Давно это было, ragazzo. Спроси отца.

Свободное время Иван проводил на море, там он и познакомился с Миланой.

Высокая брюнетка с волнистыми волосами и зелёными глазами, она сидела на камнях с книгой и не обратила на него никакого внимания, пока он трижды не прошёл мимо. На четвёртый раз она подняла глаза и спросила, не заблудился ли он.

Знакомство быстро переросло в роман. Они подходили друг другу: оба упрямые, оба смешливые, оба не любили сидеть на месте. Пара была на загляденье, и знакомые постоянно это отмечали. Марио, увидев их вместе в первый раз, перекрестился и сказал, что таких красивых детей у них будет полный дом.

Курсы закончились, и у Ивана появились новые сертификаты, совсем не дешёвые, а главное — надежда, что работа будет.

* * *

Пришли деньги за последнюю вахту: полный расчёт и

небольшая премия за перегон. Иван привёз Милану к родителям, познакомить. Мама сразу её полюбила, отец смотрел внимательно, но улыбался.

Иван был окрылён: чувство к Милане оказалось новым, незнакомым, и ему хотелось показать ей весь мир. Он решил прокатить её по Европе и выбрал не самый дорогой маршрут, а вполне разумный для своего бюджета: следующие деньги неизвестно когда придут, а голова у него всё-таки работала.

Но всё пришлось отменить.

Осенним утром, когда Иван ещё спал, зазвонил телефон. Сначала он пожалел, что не выключил звук перед сном. Потом увидел на экране одно слово — «Мастер» — и осторожно, чтобы не разбудить, выскользнул из объятий Миланы и вылетел в коридор.

— Вань, привет. Это Николай. Тебе сегодня позвонит агент из Англии. Набирается бригада. Работа в Европе, в Северном море. Я тебя посоветовал первым помбуром. Сертификаты у тебя есть, так что не подведи меня.

— А вы? Тоже туда пойдёте?

— Нет, Ваня. Я буровым консультантом устроился. Еду в Венесуэлу на днях. Но ты не пропадай. Пиши, как что.

— Спасибо большое! Я ваш должник!

— Да ладно тебе. Я же обещал.

Мастер попрощался и нажал отбой.

Иван обернулся: всё это время рядом стоял отец, в халате, с чашкой кофе.

— Николай? Мастер?

— Ага. Представляешь, выполнил обещание. Не забыл. Отец помолчал, глядя в окно.

— Знаешь, сынок, русские в основном такие люди. Если что-то пообещают, то делают. Мама в этом права.

Он ушёл на кухню, так и не сделав ни глотка.

* * *

Агент позвонил через пару часов, а через неделю Иван уже летел в холодную Данию.

Он приземлился в Биллунне, где из окна самолёта было видно только серое небо и мокрые поля, и добрался на автобусе до Эсбьерга. Ночью шёл дождь, утро было ветреным и тёмным.

В вертолётном терминале его встретила очередь таких же, как он: молчаливые мужчины в куртках, с одинаковыми спортивными сумками. Иван заполнил бумаги, на основании которых его внесли в единый реестр персонала на борту. Проверили паспорт, медицинскую справку, сертификат по выживанию в море и подготовке к эвакуации из вертолёта при посадке на воду. Взвесили его, потом сумку: здесь каждый килограмм на счету.

Потом был инструктаж — короткое видео о том, что делать, если вертолёт упадёт в воду: как ждать, пока перестанет вращаться винт, как найти выход в перевёрнутой кабине, держась за раму, как пользоваться аварийным дыхательным аппаратом. Иван всё это проходил на курсах, но здесь, вспо-

миная свинцовое море за окном отеля, смотрел так, будто видит впервые.

Ему выдали спасательный комбинезон — плотный, оранжевый, на размер больше. Он натянул его, застегнул молнию до подбородка и вышел к вертолёту.

Так началась новая глава в его жизни.

Глава 5

С первых часов Ивану показалось, что он попал в другой мир: настолько всё здесь отличалось от прежней работы.

Вертолёт сел на площадку, и, ещё не успев снять наушники, Иван увидел то, чего в Египте не видел никогда: на палубе ни пятнышка ржавчины. Белые надстройки, ярко-жёлтые поручни, свежая разметка. Сотрудник в оранжевом жилете вывел их цепочкой к входу, пересчитал по головам и сдал внутрь, как сдают груз по накладной.

Здесь всё было устроено для людей: сауна, просторный кинозал с мягкими креслами, качалка, в которой тренажёры стояли новые, а не сваренные из старых труб, даже солярий — Иван сначала решил, что ослышался. И лифты: в жилом блоке и даже на буровой.

Первым делом был инструктаж для новоприбывших: где точка сбора по тревоге, где твоё место в спасательной капсуле, какой сигнал что означает, куда нельзя ходить без разрешения. Ему выдали пропуск с фотографией и показали доску у входа, где по карточкам видно, кто сейчас на борту и где находится.

Потом местный медик, Брайан, невысокий улыбчивый ирландец, провёл его по всем помещениям, по дороге рассказывая, когда лучше кормят ночью и какая беговая дорожка не скрипит. Каюта оказалась на двоих, но со сменщиком

они не пересекутся: один работает днём, другой ночью. Свой душ, свой туалет, чистое бельё, телевизор и окно с видом на серое Северное море.

Начальник буровой, Хенрик, высокий датчанин с коротко стриженной седой бородой, выделил полчаса на разговор. спросил, где Иван работал, на каких установках, с кем, слушал внимательно и задавал короткие вопросы. А когда Иван упомянул, что его мастером в Египте был Николай, Хенрик вдруг откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Николай? Высокий, русский, седой, на элеваторе катается?

Иван растерялся, но кивнул.

— Мы с ним работали вместе. Давно. Я тогда ещё только бурильщиком был, а он уже мастером. — Хенрик покачал головой, улыбаясь чему-то своему. — Половине того, что я умею, научил меня он. И половине того, чего я никогда не стану делать, тоже.

Короче говоря, встретили его отлично.

* * *

Следующим шоком для Ивана стало то, что ему дали отдохнуть.

В Египте с вертолёта шли сразу на смену, иногда даже не занося сумку в каюту. Здесь ему сказали: первая смена завтра, сегодня отоспись. Это были правила, а не доброта: уставший человек на установке — это риск, а риск здесь считали так же внимательно, как деньги.

А потом он увидел саму буровую, новенькую и чистую: везде знаки, разметка, ограждения. Красная зона вокруг роторного стола, куда во время работы роботов человеку заходить запрещено, обведена жёлтой полосой и подсвечена. Трубный манипулятор стоял в своей нише, сложив руку, как богомол. Робот-ключ ждал на рельсах. Буровая была как невеста на свадьбе: сверкала и восхищала.

Несмотря на сертификаты, к управлению Ивана сразу не допустили. Ему выдали книжку компетенций — толстую папку с перечнем операций. Каждую он должен был сначала посмотреть, потом выполнить под присмотром, и только потом бурильщик или мастер ставил подпись: готов. Иван воспринял это как должное: Николай учил так же, только без папки.

Но посидеть в кресле управления ему всё-таки довелось, под контролем бурильщика. И это поразило ещё больше, чем тренажёр в Сплите. Там была картинка, а здесь за стеклом двигались настоящие тонны стали, и от одного движения его пальцев свеча поднималась из магазина и плыла к центру.

Тяжёлого физического труда у бригады почти не было: подмазать резьбу на спуске — вот и самая большая обязанность на полу. Иван, конечно, понимал, что роботы делают не всё: их нужно было обслуживать, чистить, проверять, а когда что-то шло не так, люди снова лезли в железо руками. Но по сравнению с прежним опытом это была другая профессия.

* * *

Потом был ещё один сюрприз — столовая.

Всё идеально чисто, светло, на раздаче — салаты, горячее на выбор, свежая выпечка, фрукты, мороженое, повара в белом, еда как в ресторане. Иван набрал полный поднос и долго не мог поверить, что можно вернуться за добавкой.

В Египте самым необходимым, что нужно было везти с собой на вахту, были таблетки от диареи. Каждый новичок выучивал это на собственном опыте в первую же неделю.

Здесь о таблетках никто даже не вспоминал.

Постепенно Иван перезнакомился с бригадой: норвежцы, датчане, пара англичан, поляк, шотландец, напомнивший ему Стивена. Все спокойные, грамотные, без лишних слов, работали ровно, по процедурам и при этом умели посмеяться над собой.

С первой минуты Иван понял одно: ему просто необходимо зацепиться здесь навсегда.

* * *

Отработав первую смену, он сразу сел за телефон и напечатал мастеру пару строк. Интернет здесь был такой, что сообщение улетело, едва он нажал «отправить».

«Прибыл на новое место. Ещё раз огромное спасибо за помощь! Местный начальник Хенрик передаёт привет».

Ответ пришёл через минуту, коротко, как всегда:

«Хорошо. Ему тоже привет передай. Удачи».

Глава 6

Три года Иван отработал на этой буровой.

За это время он доказал, прежде всего самому себе, что умеет не только управлять. Управлять умели многие: двигать джойстиками, запускать программы, смотреть, как робот ставит свечу. Иван понимал процесс — то, что происходит там, внизу, на глубине трёх, четырёх, пяти километров, куда никто никогда не заглянет.

Он научился читать скважину по приборам, как врач читает больного по анализам. Вес на крюке при подъёме оказался на пару тонн больше расчётного — значит, где-то ствол начал сужаться или скапливается шлам. Момент на роторе пошёл зубцами, то вверх, то вниз — долото цепляется и срыгается, и если не изменить обороты и нагрузку, оно разобьёт себя за пару часов. Давление на стояке упало на десять бар без видимой причины — промыв в трубе, где-то в колонне дыра, и с каждой минутой она растёт. Объём в ёмкостях прибавил полкуба — может, ошибка датчика, а может, пласт начал отдавать в скважину то, что там лежало миллионы лет. Такие вещи надо замечать до того, как их заметит сигнализация.

Каждый раз, когда на буровую привозили новое оборудование, Иван донимал вопросами сервисников — инженеров-телеметристов, наклонно-направленщиков, геологов

с газового каротажа, цементировщиков, ловильщиков с их хитрыми крючками и колоколами. Кто-то отмахивался, но большинство, видя, что парень спрашивает не ради галочки, отвечали, и иногда часами. А он впитывал всё, как губка: записывал в тетрадь, перечитывал в каюте, разбирал в голове каждую компоновку низа колонны, каждый забойный двигатель, каждый прибор.

Это и было его главным отличием: другие знали, какую кнопку нажать. Иван знал, почему.

За три года через его руки прошёл почти весь инструмент, который можно было встретить в Северном море: всё, что привозили сервисники, и всё, что поднимали из скважины.

* * *

Дома его ждала Милана, по-прежнему любимая и единственная. Деньги у Ивана теперь водились, и он их не жалел: подарки, рестораны, поездки, её восторг. Подработку в галерее Милана вскоре бросила — зачем, если денег хватает? Тридцать пять дней она ждала его с вахты, а потом они вместе куда-то ехали, летели, что-то покупали: Мальдивы, Париж, горнолыжный курорт в Австрии, новая машина.

Ивану нравилось быть тем, кто может дать ей всё.

Родители в их жизнь не вмешивались. Отец вообще говорил мало, а когда Иван однажды спросил его про Францию, про Марио, про то, откуда у отца столько старых знакомых в разных странах, тот только улыбнулся и перевёл разговор на погоду. Мама же с каждым приездом всё чаще намекала, что

пора бы уже и о внуках подумать. Милана в такие моменты смеялась и смотрела на Ивана, а он отшучивался.

* * *

На работе его несколько раз ставили на подмену бурильщика, когда кто-то уходил в отпуск или болел. Справлялся он так, что старые бурильщики уважительно кивали, а один, норвежец Ларс, проработавший на шельфе тридцать лет, как-то сказал ему за обедом:

— Ты у пульта сидишь, как будто сам там, внизу.

Через месяц после этого разговора Ивана снова поставили на подмену. Бурильщик ночной смены, тот самый Ларс, слёг с температурой, и Хенрик, выругавшись, вписал в график Конти.

Бурили интервал под эксплуатационную колонну — глубоко, на четырёх с лишним тысячах, в зоне, которую геологи на планёрке обвели красным: высокое давление, высокая температура, пласт, который мог отдать газ, а мог и не отдать. Компанейский супервайзер, пожилой шотландец, перед сменой зашёл в кабину, постоял за спиной у Ивана и сказал только одно:

— Смотри в оба, парень. Этот интервал не любит, когда на него не смотрят.

Иван смотрел.

Первые часы шли спокойно. Долото грызло породу, раствор шёл по кругу, графики на мониторах тянулись ровными линиями. Скорость проходки, нагрузка на долото, момент,

давление на стояке, расход на входе, расход на выходе, объём в ёмкостях, газ. Иван переводил взгляд с одного экрана на другой, медленно, по кругу, как учил когда-то техасец на египетской старушке. «Не на одну цифру смотри. На все сразу. Скважина говорит не словами, она говорит всем телом».

В половине третьего ночи скорость проходки вдруг подпрыгнула.

Ненамного. С пяти метров в час до восьми, а потом до одиннадцати. Долото будто провалилось в мягкую породу. Это бывает. Сменился пласт, пошёл песчаник вместо глины, ничего страшного. Система даже не мигнула.

Но Иван уже смотрел на другой экран.

Расход на выходе. Чуть-чуть больше, чем на входе. На три процента. Может, погрешность датчика. Может, нет.

Ёмкости. Объём раствора в ёмкостях рос. Медленно. Сорок литров за минуту. Восемьдесят. Сто двадцать. На графике это была пологая наклонная линия, почти незаметная на фоне общего масштаба. Автоматический сигнал тревоги стоял на полтора кубометра прироста. До него было ещё далеко.

Иван смотрел на эту линию и чувствовал, как по спине бежит холодок.

Скважина отдавала. Из пласта в ствол что-то шло. Пока немного. Пока чуть-чуть. Но шло.

Газ на мониторе каротажников пополз вверх.

Хлопнула дверь кабины. Каротажник, молодой поляк по

имени Кшиштоф, с планшетом в руке:

— Иван, у меня газ растёт. И я вижу прирост в ёмкостях...

— Вижу, — сказал Иван.

Он уже действовал.

Остановил проходку. Поднял инструмент с забоя на несколько метров, чтобы замок бурильной трубы оказался выше плашек превентора и они сомкнулись на гладком теле трубы, а не на утолщении. Остановил ротор. Остановил насосы. На буровом полу робот-ключ отъехал в сторону, манипулятор замер, всё, что двигалось, остановилось, как по команде.

Расход на выходе не упал до нуля.

Насосы стояли. А раствор из скважины всё равно шёл. Сам. Скважина текла.

— Скважина течёт, — сказал Иван ровным голосом в микрофон. Голос был чужим, спокойным, будто кто-то говорил за него. — Закрываю.

Он поднял защитную крышку на панели противовыбросового оборудования. Нажал. На экране зажёгся сигнал: универсальный превентор — закрытие. Потом — подтверждение. Давление в гидравлике управления упало и снова выровнялось. Где-то глубоко под буровым полом, в стальном стакане противовыбросового стека, резиновое кольцо сжалось вокруг трубы, перекрывая затрубное пространство.

Расход на выходе упал до нуля.

Скважина закрыта.

Иван посмотрел на часы. С того момента, как он увидел наклон на графике ёмкостей, прошло меньше двух минут.

Автоматический сигнал тревоги так и не сработал. Прирост остановился на одном кубометре и двухстах литрах. Не дошёл.

* * *

Потом пошли цифры.

Давление в бурильных трубах. Давление в затрубье. Иван записывал их каждую минуту, пока они росли и выравнивались. Тридцать пять бар в трубах. Сорок восемь в затрубье. Прирост объёма — один и две десятых куба. Время закрытия.

Он нажал кнопку вызова начальника буровой. Потом компанейского супервайзера.

Хенрик ворвался в кабину через четыре минуты. В майке, в спортивных штанах, с мокрыми волосами — видимо, был в душе. Шотландец — через пять, в полной форме, будто спал одетым. Оба встали за спиной у Ивана и молча смотрели на экраны.

Хенрик посмотрел на график ёмкостей. На время закрытия. На прирост. На порог сигнала тревоги, до которого не дошло.

Потом посмотрел на Ивана.

— Ты закрыл до сигнализации, — сказал он.

— Да.

— По какому признаку?

— По всем сразу, — сказал Иван. — Провал проходки. Расход на выходе. Наклон в ёмкостях. Газ у Кшиштофа. По отдельности — ничего. Вместе — она начала отдавать.

Хенрик долго молчал. Потом повернулся к шотландцу:

— Ну что, Дуглас. Будем глушить?

Глушили до утра.

Иван не ушёл со смены. Он сидел рядом с Хенриком, пока тот вместе с супервайзером считал плотность утяжелённого раствора, составлял график давлений, выводил газовую пачку из скважины через штуцер медленно, осторожно, по шагам, следя за каждым баром. Иван смотрел и запоминал каждую цифру, каждое решение, каждую паузу. Под утро, когда в ёмкости пошёл чистый тяжёлый раствор, а давление в затрубье упало до нуля, Хенрик откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Всё, — сказал он. — Отбились.

Шотландец подписал рапорт, пожал Ивану руку, ничего не сказал и ушёл спать.

* * *

Через два дня на буровую прилетел человек из офиса в Эсбьерге — на разбор инцидента. Иван сидел в кабинете Хенрика и рассказывал по шагам, что видел, когда и что сделал. Тот записывал, кивал, задавал вопросы. В конце спросил:

— Почему вы не дождались сигнала системы?

Иван подумал.

— Потому что система ждёт полтора куба, — сказал он.
— А скважина не ждёт.

Гость из офиса посмотрел на него долгим взглядом. Потом что-то записал.

Через неделю порог автоматической сигнализации на всех буровых компании снизили до восьмисот литров.

А Ларс, вернувшись после болезни и узнав, что произошло, зашёл в кабину, где Иван сидел на своей обычной смене помбуром, постоял, похлопал его по плечу и сказал то же, что тогда за обедом, только уже без улыбки:

— Я же говорил. Ты там, внизу.

Вскоре Хенрик официально объявил: следующая вакансия бурильщика — его.

Но не это было главной целью Ивана. Для него познание нового значило больше, чем прибавка к зарплате или новая строчка в должности. Он уже чувствовал, что эта буровая, при всей её чистоте и порядке, стала для него понятной, прочитанной книгой, а ему хотелось новую.

* * *

Однажды вечером айтишник Клаус, долговязый немец, который чинил на буровой всё, что имело провода, зашёл в комнату отдыха с чашкой кофе и подсел к Ивану.

— Слышал новость? Фирма заказала совершенно новую установку. Строят в Сингапуре. Там будут стоять станки SDT. Седьмое поколение.

— Седьмое? — переспросил Иван. — Его ещё нигде нет.

— Вот именно. Говорят, их будет всего две в мире. Совершенно другое управление. Не джойстики и программы, а... — Клаус пощёлкал пальцами, подбирая слово. — Система, которая учится. Ты ей задачу, она тебе решение. А ты следишь, чтобы она не ошиблась. Меня зовут туда на пусконаладку.

Через час Иван сидел в офисе у начальника буровой и убеждал его в том, что именно он должен быть на той установке.

Он говорил долго и, наверное, горячее, чем следовало: про то, что знает этот инструмент лучше многих, про то, что новой системе нужен человек, который понимает, что происходит в скважине, а не только на экране, про то, что он готов ехать хоть завтра.

Хенрик слушал, побряхтывал, крутил в пальцах ручку. Потом поворчал, что лучших людей у него всегда уводят, что он только-только нашёл себе нормального бурильщика и что Николай бы его за такое по головке не погладил. А после долго молчал, глядя в окно на серое море.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Езжай. Только потом не проси назад.

Так Иван попал в Сингапур, где строилась его новая буровая.

Глава 7

Буровая седьмого поколения — от одного названия захватывало дух.

Когда Иван прибыл в Сингапур, на верфи только начинался монтаж оборудования. Корпус установки стоял в сухом доке, огромный, серый, ещё без жизни. По нему ползли кабели, как лианы, гремела сварка, мелькали каски тысяч рабочих. Каждый день около четырёх часов небо темнело и обрушивалось ливнем, а через полчаса снова палило солнце, и от железа поднимался пар.

Иван ехал сюда бурильщиком — Хенрик, ворча, всё-таки подписал ему повышение перед отъездом: «Раз уж уводят, пусть уводят с должностью».

SDT, как выяснилось, была дочерней компанией той же корпорации, где работал Иван. Точнее, не совсем дочерней — параллельной, под одной и той же крышей. Одни владельцы, разные вывески. Что именно делает SDT, кроме этих установок, в отделе кадров толком объяснить не могли.

Роботизация здесь шла не по той системе, к которой Иван привык за три года. Для этого проекта выбрали Modular Drilling Innovations, MDI, — систему, которой больше нигде не было. Не набор роботов, которые встают на готовый буровой пол, а модули. Каждый — законченный узел: манипулятор, ключ, лебёдка, насосный блок, система очистки рас-

твора. Каждый со своим питанием, своей гидравликой, своим «мозгом». Модули соединялись друг с другом, как детали конструктора, и сами договаривались между собой, кто что делает. Собрать из них буровую можно было где угодно: на палубе, на суше, на барже. Хоть в чистом поле.

— Или хоть на Луне, — пошутил Клаус, когда показывал Ивану схему в первый вечер.

Иван тогда посмеялся.

* * *

С первого же дня Ивана и ещё троих бурильщиков, а с ними четверых буровых мастеров, отправили в учебный центр. Все молодые, все из разных концов мира: норвежец, канадец, бразилец, кореец, двое шотландцев, голландец. И Иван.

Учебный центр стоял в стороне от верфи, за отдельным забором: длинное белое здание без вывески.

Перед началом обучения их собрали в комнате без окон. Безопасник компании, неприметный британец с цепким взглядом по фамилии Холт, раздал каждому по толстой пачке бумаг.

— Соглашения о неразглашении, — сказал он. — Прочитайте внимательно. Подпишите каждую страницу.

Иван прочитал. Нельзя рассказывать, что изучал. Нельзя рассказывать, где. Нельзя рассказывать, с кем. Срок действия — бессрочно. Штраф за нарушение был таким, что Ивану пришлось перечитать цифру два раза.

Подписали все.

Дальше начались правила: телефоны, ноутбуки, флешки, умные часы, любые носители информации были категорически запрещены в учебном корпусе и на верфи. На входе стояли металлодетекторы, личные вещи сдавались в шкафчики под замок, а ключ оставался у охраны. Получить телефон обратно можно было только вечером, после занятий. Тетради для записей выдавались пронумерованными, и после каждого занятия их забирали обратно. Камеры висели в каждом коридоре. Даже в столовую их сопровождали.

Однажды утром Иван стоял в очереди к рамке металлодетектора, пока охранник проводил сканером по спине парня перед ним, и подумал, что это похоже на лабораторию наркокартеля из какого-нибудь сериала: охрана на каждом шагу, проверки чуть ли не до раздевания, и никто не говорит, что именно варят за стеной.

Он хмыкнул. Охранник посмотрел на него без выражения и кивнул: проходи.

* * *

Учили жёстко и много, по двенадцать часов в день: сначала теория, потом тренажёры, потом снова теория.

Система MDI действительно была другой: в Северном море Иван говорил роботам, что делать, а здесь — системе, чего хочет добиться, и она сама решала, как. Задача — спустить компоновку на такую-то глубину. Она разбивала задачу на операции, раздавала их модулям, и модули начинали работать, как пальцы одной руки. Человек следил и вмешивался,

когда система ошибалась, а она училась на каждом его вмешательстве.

Инструкторы из MDI были вежливыми, грамотными и очень закрытыми. На вопросы «как» отвечали подробно. На вопросы «зачем» — почти никогда.

Иван спрашивал «зачем».

Зачем каждому модулю автономное питание на трое суток, если на буровой есть генераторы? Зачем узлы герметичные, как на подводной технике? Зачем на одном из тренажёрных сценариев они отрабатывали работу в полной темноте, при отказе всей связи с берегом на несколько недель?

Ответ был всегда один:

— Для надёжности.

А однажды, листая техническую документацию на манипулятор, Иван наткнулся на строчку в таблице характеристик: «Рабочий диапазон температур: от минус восьмидесяти до плюс шестидесяти».

Минус восемьдесят. Для установки, которая будет работать в тропиках или, самое холодное, в Северном море.

Он поднял руку, чтобы спросить, но инструктор как раз объявил перерыв. А после перерыва Иван решил, что это, наверное, просто стандарт производителя. Запас на всякий случай.

Тетрадь он сдал вечером, как положено, строчку про минус восемьдесят туда не записал. Но запомнил.

* * *

Обучение длилось четыре недели, после экзамена всех отпустили домой.

Обратно их собрали через несколько месяцев, когда оборудование уже установили и пора было начинать испытания.

Глава 8

Ивану всё было понятно: через неделю он выбился вперёд, и его показатели стали заметны. Он работал уверенно, без суеты, будто занимался этим не первый месяц. За первые дни он изучил все возможности системы, а когда понял, что из этого кресла можно управлять абсолютно всем, — не только буровым полом, но и насосами, системой очистки, лебёдкой, энергией, вентиляцией, даже освещением на вышке, — он зауважал эту технику ещё больше.

Это была не буровая с роботами. Это был единый организм, а кресло было его головой.

Он первым из всех разобрался в оборудовании до конца, и это отметили и начальник проекта, и главные инженеры. Однажды после смены к нему подошёл один из инженеров MDI, долго смотрел на распечатку его отчёта и спросил, где он учился. Иван ответил: «В Египте, на ржавой старушке». Инженер шутки не понял, кивнул из приличия и ушёл.

* * *

Испытания шли по плану, пункт за пунктом, и почти каждый приносил сюрприз.

Проверка противовыбросового оборудования. Плашки закрывали и открывали снова и снова, засекая время. Одна закрывалась на две секунды дольше нормы, и полдня искали причину, пока не нашли воздух в гидравлической линии —

пузырь, оставшийся после монтажа. Прокачали, перепроверили, записали.

Опрессовка. Каждый узел, каждую обвязку нагружали давлением и держали по десять минут, глядя на график. Ровная линия — хорошо. Линия, которая медленно ползёт вниз, — где-то течь. На третий день потёк фланец на линии глушения. Его перетянули, снова дали давление, снова смотрели десять минут. На этот раз линия была ровной.

Самое странное произошло на четвёртой неделе. Манипулятор и робот-ключ не поделили трубу. Оба модуля решили, что эта операция их, и оба одновременно потянулись к замку. Система заметила конфликт за долю секунды и остановила обоих. Они так и замерли, как два пса над одной костью. Чтобы их разнять, пришлось перевести систему в ручной режим. Инженеры MDI потом два дня сидели над логами и что-то переписывали в программе. Клаус смеялся: «Первая ссора в семье».

Ещё была проверка аварийного отключения. На всей установке разом пропало питание: погас свет, встали генераторы, замолчала вентиляция. Тишина была такая, что Иван слышал, как дождь стучит по крыше кабины. А модули продолжали жить. Каждый перешёл на свои батареи, каждый сам удержал то, что держал, и сам себя законсервировал. Через тридцать секунд они начали обмениваться данными уже без центральной системы, будто ничего не случилось.

Иван вспомнил строчку: автономное питание на трое су-

ток. Для надёжности.

* * *

Были, к сожалению, и другие случаи.

Бурильщик из Норвегии, Эспен, во время опрессовки манифольда допустил nepoзвoлитeльную ошибку. Перед запуском насосов он не проверил положение задвижек. Одна линия была перекрыта. Насосы пошли на закрытую задвижку, и давление стало расти так быстро, что стрелка на экране словно прыгнула.

Аварийный предохранительный клапан должен был сработать и сбросить давление. Он не сработал.

Сработала автоматическая защита насосов, но поздно. Когда всё остановилось, стояк был повреждён, а часть стоек обвязки высокого давления пошла под замену. Их резали и ставили новые почти неделю.

Никто не пострадал. На полу в тот момент не было ни одного человека — это и было главное преимущество роботов.

Иван ждал, что Эспена выгонят. В Египте за такое техасец вышвырнул бы его с буровой первым же вертолётom. Но никого не выгнали и даже голоса ни на кого не повысили. Всех собрали в классе, разобрали ошибку по секундам: что сделал Эспен, что должна была сделать система, почему не сработал клапан. Отметили, что виноват не только человек: клапан оказался с заводским дефектом. Записали выводы, и работа продолжилась.

Случались и другие происшествия, но заканчивались они

так же: разбор, выводы, дальше.

Иван тогда подумал, что так относятся не к людям, которых нанимают. Так относятся к людям, которых долго искали и которых нельзя потерять.

* * *

На пятой неделе на буровую впервые привезли трубу.

Её подняли на мостки, и все, кто был рядом, подошли посмотреть: труба была не стальной. Тёмно-серая, почти чёрная, с матовым отливом, а под верхним слоем, если смотреть под углом к свету, просвечивало волокно — тонкие спирали, переплетённые, как нити в канате. Замки на концах были металлические, а тело трубы — из чего-то, что инженеры называли просто «композит».

Суперпластик, как окрестили его парни.

Иван постучал по ней костяшкой пальца. Звук был глухой, не звонкий, как у стали. Он попробовал приподнять конец и чуть не потерял равновесие: ожидал тяжести, а труба подалась легко, как пустая.

Когда манипулятор взял первую свечу, цифра веса на крюке едва сдвинулась. Иван решил, что датчик ещё не откалиброван. Датчик был откалиброван.

— В десятки раз легче стали, — сказал кто-то из инженеров. — А держит больше. До восьмисот бар.

— Восемьсот? — переспросил Иван. — Куда нам столько?

Инженер пожал плечами.

Вечером в курилке за ангаром молодой техник из SDT, сингапурец, работавший на соседнем участке, разговорился с ними и сам не заметил, как проговорился:

— Её тут же и делают. В этом же комплексе, вон там, за третьим забором. Новейшая технология. Делают прямо на месте, из сырья. Привозишь бобины волокна и бочки смолы, а на выходе труба. Хоть в пустыне ставь, хоть...

Он осёкся. За его спиной, у двери ангара, стоял Холт и смотрел на них. Просто смотрел.

Техник быстро докурил и ушёл.

На следующий день Иван его больше не видел.

* * *

Вечером Иван нашёл Клауса в столовой.

— Где тот парень? — спросил он, садясь напротив. — Техник. Сингапурец. Который вчера в курилке рассказывал про трубу.

Клаус перестал жевать и посмотрел по сторонам. Столовая была почти пустой, только у раздачи двое рабочих верфи ели лапшу.

— Не здесь, — сказал он тихо. — Пошли поедим нормально. В город.

* * *

Выпускали их в город редко, только по выходным и только группами. Но у Клауса, как у человека, который чинил всё, что имело провода, был свой пропуск и свои знакомые на проходной. Через полчаса они уже сидели на пластиковых

табуретках в фудкорте под открытым небом, в старом квартале у реки.

Сингапур ночью был другим. Днём — стекло, бетон, жара, порядок. Ночью — тысячи огней, запахи, гомон. Длинные ряды крошечных лавок, в каждой своя кухня: китайская лапша, малайские шашлычки на углях, индийские лепёшки, которые повар подбрасывал в воздух, как блин. Пар над котлами, звон посуды, люди за столами — семьи с детьми, рабочие в робах, офисные клерки с ослабленными галстуками. Жара не уходила и ночью, только становилась мягче, влажной, как в бане.

Клаус взял две тарелки жареного риса с крабом и две бутылки холодного пива, сел и долго молчал.

— Его перевели, — сказал он наконец. — Того парня. Официально — на другой проект, в Малайзию. Сегодня утром. Я видел приказ.

— За то, что он вчера сказал?

Клаус пожал плечами.

— Может. А может, совпадение. — Он отпил пива. — Ты понимаешь, Иван, я не дурак. Я тоже вижу, что здесь что-то не так. Металлодетекторы, тетради под номерами, Холт за каждым углом. Это не буровой проект. Буровые так не охраняют.

Иван ждал.

Клаус огляделся ещё раз и наклонился над столом.

— Я на прошлой неделе обновлял прошивку модулей. Ру-

тинная работа. Загружаешь пакет, проверяешь контрольные суммы, перезапускаешь. И я полез посмотреть, что внутри. Ну, просто из интереса. Ты же знаешь, я не могу не полезть.

— И что там?

— Режимы. В системе MDI есть режимы работы. «Морской». «Береговой». «Арктика». Это понятно. Под разные условия. — Клаус понизил голос ещё сильнее. — А есть ещё один. Закрытый. У меня к нему доступа нет, но я увидел параметры. Заголовки.

Он вынул из кармана ручку, написал несколько строчек на салфетке и подвинул её Ивану.

«Режим: Удалённый объект.

Сила тяжести: 1,48 g.

Температура окружающей среды: от -90 до +40.

Задержка связи с центром управления: до 36 часов.

Автономная работа без связи: до 30 суток».

Иван смотрел на салфетку.

— Тридцать шесть часов задержки, — сказал Клаус. — Иван, сигнал до Луны идёт секунду. До Марса — минут двадцать. Тридцать шесть часов — это...

Он не договорил.

— А сила тяжести? — тихо спросил Иван.

— Вот именно. На Земле она одна. Везде. В Арктике, в тропиках, на дне моря. Одна. — Клаус постучал пальцем по салфетке. — А здесь полторы.

Они молчали. Вокруг гремели котлы, кричали повара,

смеялись дети. Где-то рядом заиграла музыка из чьего-то телефона.

Иван взял салфетку, посмотрел на неё ещё раз и вспомнил строчку в документации на манипулятор: «Рабочий диапазон температур: от минус восьмидесяти». Тогда он решил, что это запас производителя.

Он медленно сложил салфетку вчетверо.

— Клаус, — сказал он. — Может, это просто тестовый режим. Для испытаний. Инженеры любят закладывать всё подряд, на всякий случай.

— Может, — согласился Клаус. Слишком быстро. — Наверное, так и есть.

Они оба знали, что нет.

* * *

Иван поднял глаза и замер.

Через три стола, у лавки с малайскими шашлычками, сидел человек. Один. Перед ним стояла тарелка с нетронутой едой и стакан воды. Он не ел. Он смотрел в телефон.

Холт.

Он не смотрел на них. Ни разу не поднял глаз. Просто сидел, будто случайно оказался в этом фудкорте, в этом квартале, в этот вечер, за три стола от них.

Клаус проследил за взглядом Ивана. Побледнел.

— Давно он тут? — шёпотом спросил он.

— Не знаю.

Иван смотрел на сложенную салфетку у себя в ладони. По-

том медленно разорвал её пополам. Ещё пополам. И ещё. Сунул обрывки в недопитую бутылку пива, где они тут же намокли и расползлись.

Когда он снова поднял глаза, за столом у лавки с шашлычками никого не было. Только нетронутая тарелка и стакан воды.

Пиво допили молча и обратно ехали тоже молча.

На следующее утро на проходной у металлодетектора Холт кивнул Ивану. Сдержанно, коротко. Как всегда.

И впервые за всё время улыбнулся.

Глава 9

А потом случилось то, чего Иван точно не ожидал.

Испытания подходили к концу, впереди был уже объявленный отдых, и все говорили только о нём: кто-то собирался домой, к семье, кто-то на острова, бразилец звал всех на карнавал, голландец — к себе в Амстердам. Иван планировал увезти Милану куда-нибудь, где тепло и тихо, и ни о чём не думать хотя бы месяц.

Деньги на это были: зарплата приходила на счёт минута в минуту и была намного больше всего, что Иван получал до сих пор. Первый раз, увидев сумму, он решил, что в бухгалтерии ошиблись, и написал в отдел кадров. Ему ответили, что ошибки нет.

Перед тем как распустить людей, начальство собрало всех в классе — в той же комнате без окон, где они когда-то подписывали бумаги. Холт стоял у двери, как всегда.

Начальник проекта, плотный голландец с короткой седой стрижкой, вышел вперёд.

— Сегодня испытания закончены. Спасибо всем. У наших техников теперь будет много работы: подогнать, исправить, учесть всё, что вы нашли. А нашли вы немало. — По классу прошёл смехок, кто-то покосился на Эспена, тот усмехнулся в ответ. — Вас мы вызовем перед началом работ. Сразу туда, где эти работы будут проводиться. Где именно — сообщим

позже.

— А примерно? — спросил канадец с заднего ряда.

— Позже, — повторил голландец тем же ровным тоном.

— А сейчас я хочу познакомить вас с куратором. Он будет старшим над всеми этими работами.

При этих словах со своего места поднялся человек, которого Ивану не было видно из-за колонны.

Высокий. Седой. С лицом, которое солнце и ветер выдували до цвета старого седла.

Мастер Николай.

У Ивана сердце чуть не выпрыгнуло из груди от радости. Этот человек сделал для его судьбы так много, что Иван даже не знал, как за это отплатить. Он еле удержался, чтобы не вскочить с места.

Николай был одет не так, как Иван привык его видеть: не в рабочий комбинезон с выцветшей нашивкой, а в простую тёмную рубашку и брюки, как инженер из офиса. Но стоял он так же, как на буровом полу: спокойно, чуть расставив ноги, будто палуба под ним может качнуться в любой момент.

Он обвёл взглядом класс. На секунду его глаза задержались на Иване. Ни улыбки, ни кивка. Только эта секунда.

— Здравствуйте, — сказал он по-английски. — Для тех, кто меня не знает: меня зовут Николай. Так прошу и обращаться. Впереди у нас очень большая работа. Займёмся ею, когда вернётесь. Отдыхайте как следует. Считайте это приказом.

Класс засмеялся. Николай сел.

* * *

Когда все начали расходиться, Иван протиснулся между стульями к колонне.

— Николай! Вы же говорили — Венесуэла, консультант...

— Говорил, — кивнул мастер. — Был. Теперь здесь.

— Но как? Почему вы мне ничего...

Николай положил руку ему на плечо. Тяжёлую, как раньше.

— Потом, Ваня. Всё потом. Отдыхай.

Он ушёл вместе с голландцем. Холт открыл им дверь и закрыл её за ними.

Иван ещё долго стоял у колонны. Радость никуда не делась, но под ней, где-то глубоко, впервые шевельнулось что-то другое. Он вспомнил Египет и слово «хорошо», звонок через месяц после того, как буровую поставили в док, агента из Англии, Хенрика, который знал Николая.

Тогда Иван считал, что ему просто везёт.

Теперь он впервые подумал, что везение бывает слишком направленным.

* * *

Вечером Иван позвонил отцу.

Он хотел рассказать про Николая: что мастер, который когда-то сказал ему «хорошо» на ржавой египетской буровой, теперь куратор проекта, где за каждым углом камеры, и как он обрадовался, а потом, у колонны, впервые испугался.

Отец выслушал, не перебивая и ни о чём не спрашивая.

— Николай, — повторил он, когда Иван замолчал. — Значит, Николай.

— Ты его знаешь?

Пауза. Долгая. На том конце было слышно, как шумит ветер на террасе.

— Слышал, — сказал отец. — Хороший мастер, говорят.

— Пап.

— Что?

Иван хотел спросить прямо. Откуда слышал? Когда? От кого? Почему, когда я рассказал про Николая за ужином пять лет назад, ты спросил его фамилию и замолчал?

Он не спросил.

— Ничего, — сказал он. — Приеду — расскажу подробнее.

— Приезжай, — сказал отец. — Мама пироги испечёт.

И положил трубку первым.

Иван ещё долго держал телефон у уха, слушая короткие гудки.

Глава 10

— Мам, а как мне к мастеру обращаться? Он теперь у нас куратор. А меня по-прежнему Ваней называет. Кроме тебя, меня так никто не зовёт. Он сам просил звать его Николаем, но все к нему: «сэр», «есть, сэр», «да, сэр». А если я «Николай», как-то неуважительно получается. И «сэрить» ему у меня язык не поворачивается.

С этим вопросом Иван обратился к матери, когда в первый вечер после возвращения они все собрались за ужином. На террасе пахло жареным перцем и розмарином, на столе стояли мамины пироги, вино и сыр, который отец каждый раз привозил от одного и того же старика с рынка.

Мама задумалась, подперев щёку рукой.

— Вообще лучше бы по имени-отчеству. Но у вас это не очень принято. А так даже не знаю... Когда вы наедине, зови его «дядя Коля». Скажи, мама посоветовала.

Она засмеялась, и отец вместе с ней.

— А на людях — да, — добавил отец, отсмеявшись. — Уважение ему нужно показывать, особенно перед остальными. Вы все только притираетесь друг к другу, и это важно. Каждый смотрит, как с ним разговаривают другие. Если ты, его человек, будешь с ним запанибрата, остальные решат, что можно и им.

«Его человек», — отметил про себя Иван. Отец сказал это

так просто, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

Отец отпил вина, поставил бокал и посмотрел на сына.

— У меня тоже для тебя новость, сынок. Скоро ты меня познакомишь со своим мастером. И я смогу лично поблагодарить его за то, что он за тобой присмотрел.

Иван уставился сначала на отца, потом на мать. Мама подняла руки ладонями вперёд, словно сдаваясь: меня не спрашивай.

— Пап, что происходит?

— Мне предложили работу. На вашем проекте.

— На каком — нашем?

— На вашем. — Отец пожал плечами. — Буду заниматься безопасностью. Вооружённая охрана, пропускной режим, периметр. Наша фирма получила предложение, и меня ставят начальником охраны объекта. Какого объекта — даже не знаю. Всё пока закрытая информация.

Иван знал, что отец много лет работает в какой-то охранной фирме. «Консультирую по безопасности», — так он это называл. Ездил в командировки, иногда надолго, возвращался загорелый и молчаливый, привозил маме платки, а Ивану в детстве — непонятные монеты из разных стран. Иван никогда не спрашивал подробностей, а отец никогда их не рассказывал.

— Вооружённая охрана, — повторил Иван. — На буровой?

— А что, буровым охрана не нужна? — Отец улыбнулся, но глаза у него не улыбались. — Ешь, остынет.

Больше в тот вечер о работе не говорили.

* * *

Через неделю Иван с Миланой улетели в Грецию.

Две недели на Родосе прошли роскошно: старый город с его рыцарскими стенами и узкими улицами, где по вечерам пахло жасмином и жареными осьминогами, белый Линдос над синей бухтой. Они взяли машину и катались с одного берега на другой: с Эгейского моря на Средиземное, с ветреного запада на тихий восток.

Больше всего им понравился Прасониси, южный край острова, где два моря сходятся на узкой песчаной косе: слева ветер и волны, справа почти гладкая вода. Они брали доски и гоняли по волнам до темноты, падали, смеялись, снова поднимались. Купались, ели, спали до полудня, отдыхали по полной. Иван смотрел на Милану, мокрую, загорелую, с солёными волосами, и думал, что, наверное, никогда не был так счастлив.

Однажды ночью они сидели на пустом пляже у Линдоса. Белый город на скале над ними светился огнями, как свадебный торт. Море тихо шуршало у ног. Милана положила голову ему на плечо.

— Вань, — сказала она вдруг. — А ты бы хотел, чтобы я работала?

Он удивился.

— Зачем? Тебе чего-то не хватает?

— Не в этом дело. — Она помолчала. — Я в институте на дизайн поступала. Помнишь, я рассказывала? Бросила на втором курсе. Мне хотелось... ну, чего-то своего. Чтобы утром вставать и знать, зачем.

— Так займись, — сказал он. — Хочешь курсы — иди на курсы. Хочешь студию — откроем студию. Деньги есть.

— Деньги есть, — повторила она. — Ты всегда так говоришь.

— А что не так?

Она подняла голову с его плеча и посмотрела на него. Долго. В темноте он не видел её лица, только блеск глаз.

— Ничего, — сказала она. — Всё так.

И снова положила голову ему на плечо.

Иван обнял её, глядя на огни Линдоса. Он не понял, что сейчас произошло. Ему казалось, что он сказал всё правильно, что даёт ей всё и что любая женщина была бы счастлива услышать «хочешь — откроем студию».

Он поймёт это потом, через годы: она просила не денег. Она просила, чтобы он спросил, чего она хочет, и выслушал.

Он не спросил.

Только однажды вечером, на террасе маленькой таверны, Милана, листая фотографии в телефоне, спросила:

— А куда мы поедem в следующий раз?

Иван сказал, что не знает: работа впереди непонятная, где и когда — пока секрет.

Милана кивнула, улыбнулась и снова уткнулась в телефон.

Он не придавал этому значения.

Глава 11

На работу их вызвали через два месяца.

Письмо пришло рано утром, короткое, как всегда у этой компании. Север Норвегии. Перегон буровой из Сингапура займёт довольно долгое время: через Индийский океан, вокруг Африки, вдоль всей Европы на север. Пока установка в пути, бригадам нужно пройти дополнительные инструктажи в учебном центре, который компания подготовила неподалёку от городка Хаммерфест.

Иван нашёл Хаммерфест на карте: самый северный город Европы, за полярным кругом, на самом краю земли. Дальше только Баренцево море и лёд.

* * *

Ещё до письма, сразу после возвращения из Греции, Иван всё-таки добился своего: сел за стол напротив родителей и прямо спросил, как это консультант по безопасности вдруг становится начальником охраны секретного объекта.

Отец долго молчал, потом налил себе вина, посмотрел на маму и заговорил.

— В молодости, ещё до того, как в моей жизни появилась твоя мама, времена были сложные. Работы не было, денег не было. Чтобы заработать лишний цент, я пошёл служить. Во Францию. Ты, наверное, слышал про Иностранный легион.

Иван слышал, но никогда не думал, что услышит о нём от

отца.

— Отслужил там положенные пять лет и уволился. Там же и выучил язык. Потом работал в разных структурах по военной безопасности. Охрана объектов, сопровождение грузов. Потом стал консультантом. Так и шло, пока не устроился в фирму, где работаю сейчас. Моя должность — старший консультант и куратор некоторых проектов в Африке. Вот, в принципе, и всё. Особенной тайны тут нет.

На последних словах Светлана, мама Ивана, посмотрела на мужа долго, критически, как смотрят на человека, который говорит правду, но не всю, однако ничего не сказала.

Иван тоже ничего не сказал. Он вспомнил телефонный разговор на террасе — тот, мягкий, быстрый, по-французски. Вспомнил жест, которым отец клялся. Вспомнил монеты из разных стран, которые получал в детстве. И подумал, что половину этих монет он так и не смог найти ни в одном каталоге.

* * *

Улетали отец и сын вместе.

У стойки регистрации девушка в форме взяла их паспорта, посмотрела на экран и улыбнулась:

— Мистер Иван Конти, мистер Сильвио Конти, проходите, пожалуйста. Ваши места рядом, в бизнес-классе.

Иван никогда раньше не летал бизнес-классом. Отец сел в кресло так, будто всю жизнь только так и путешествовал, отказался от шампанского и попросил чёрный кофе. Потом

всю дорогу читал какие-то бумаги в папке без надписей и ни разу не дал Ивану заглянуть.

Норвегия встретила их солнцем и холодным ветром. Небольшой аэропорт в Альте, сопки вокруг, низкие берёзы, вдали — горы со снегом на вершинах, хотя внизу ещё было лето. Воздух был такой чистый, что резал лёгкие.

На выходе их ждал молодой парень с табличкой, на которой были их имена, но не было названия компании.

Ехали пару часов. Дорога петляла между сопками и фьордами, мимо красных деревянных домиков, мимо стад северных оленей, которые не спеша переходили асфальт и не обращали на машину никакого внимания. Водитель почти не говорил. Отец смотрел в окно, но Иван видел, что он не любит пейзажем, а запоминает дорогу: повороты, мосты, развилки, места, где машина сбрасывает скорость.

Наконец за очередным поворотом показалась огороженная территория: высокий забор с колючей проволокой сверху, камеры на столбах, шламбаум, будка охраны.

Их остановили. Охранник проверил документы, долго сверял лица с фотографиями в планшете. Попросил открыть багажник, заглянул внутрь, провёл под днищем машины зеркалом на длинной ручке. Только после этого поднял шламбаум.

Когда они проехали, отец впервые за всю дорогу заговорил:

— Неплохо. Но камеру над въездом повесили не туда.

Солнце после обеда будет бить прямо в объектив. — Он помолчал. — Поправим.

Иван посмотрел на отца и понял, что за всю жизнь видел его на работе впервые.

Главный корпус встретил их ресепшеном в скандинавском минималистичном стиле: светлое дерево, белые стены, ни одной лишней вещи. Огромное окно во всю стену выходило на фьорд, и серая вода в нём казалась частью интерьера. Ни логотипа, ни названия компании, ни одной таблички. И снова повсюду камеры: маленькие чёрные купола под потолком, в углах, над каждой дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.